

Фан Цинчи также заметил его странное выражение лица, словно тот хотел что-то сказать, но не решался, и мягко спросил:

— Люнянь, что ты хотел сказать?

Му Люнянь знал, что Фан Цинчи что-то скрывает от него, и понимал, что не стоит вмешиваться в чужие дела, тем более если это касается Фан Цинчи, которого он тайно любил.

Фан Цинчи относился к нему хорошо, но эта доброта была сдержанной, словно она исходила из чувств, но останавливалась на границе приличий. Неизвестно, было ли это его природной скромностью или намеренной отстраненностью, но он всегда держался на расстоянии, не слишком близко и не слишком далеко. Это лишало Му Люняня всяких оснований и права задавать вопросы.

Му Люнянь помолчал некоторое время, затем положил ложку на стол. Он не мог сказать, когда именно его сердце привязалось к Фан Цинчи, но теперь он знал, что является преступником, объявленным в розыск, и не имеет права показываться на людях. Поэтому, как бы сильно он ни любил, он не мог сказать об этом, чтобы не испортить будущее Фан Цинчи, а самое страшное — не подвергнуть его жизнь опасности.

Под холодным взглядом Фан Цинчи он прикусил губу. Зная, что не должен спрашивать, он все же не смог сдержаться:

— Цинчи, вчера вечером... ты снова уходил, да?

Фан Цинчи смотрел на него с выражением, которое нельзя было понять. Му Люнянь почувствовал себя неловко, опустил глаза, уставившись на узоры на столе, и начал легонько царапать поверхность стола кончиками пальцев:

— Я... я не хочу тебя контролировать... просто я чутько сплю, услышал, как дверь открылась... Ну, ночью ветрено, выходя, одевайся теплее...

— Ты хотел спросить, куда я ходил, верно? — голос Фан Цинчи был спокойным, без признаков эмоций.

Му Люнянь опустил голову, его ресницы слегка дрожали от смущения, пальцы сжались в кулаки. После долгой паузы он неуверенно спросил:

— Ты ходил развлекаться?

Несколько дней подряд он уходил с наступлением темноты. Если не к женщинам, то куда еще?

Фан Цинчи едва не рассмеялся. Не зря Гу Шаобай говорил, что этот наследник с детства был слаб здоровьем, воспитывался как девушка в четырех стенах, никогда не сталкивался с реальным миром, и его мысли были чисты, как белый лист.

За полгода, что они провели вместе, он видел, что Му Люнянь обладает спокойным характером, не проявляет ни малейшей нетерпеливости, хотя уже несколько месяцев находится в этом крошечном месте, не имея возможности выйти. Но теперь стало ясно, что все это было лишь верхушкой айсберга!

Сегодня он наконец увидел его истинную чистоту.

Му Люнянь, неужели ты не можешь быть чуть более тактичным, а не прямолинейным, как палка!

— Как ты думаешь?

Му Люнянь чуть не задохнулся от напряжения. Этот ответ, казалось, подтвердил его догадки. В груди неожиданно поднялась непонятная грусть. Он положил руки под стол, переплетая пальцы так сильно, что суставы начали болеть, и наконец произнес:

— Если ты ходил к женщинам, я бы не волновался... Я просто боюсь, что ты занимаешься чем-то опасным. Вдруг однажды не вернешься, и я даже не буду знать, где тебя искать...

Сказав это, он вдруг понял, что это звучит неправильно, и поспешно поднял глаза, добавив:

— Нет... я не желаю тебе зла, ты сильный, с тобой ничего не случится... Просто я... просто...

Ему было очень больно, действительно больно!

Фан Цинчи вдруг встал и, подойдя к Му Люняню, который замер от неожиданности, с легкой улыбкой на обычно бесстрастном лице впервые крепко взял его за руку, сжал пальцы и поднял его со стула:

— Дурачок, зачем мне искать женщин, если есть ты?

Му Люнянь широко раскрыл глаза, в его взгляде читалось недоверие. Ощущение, что его руки оказались в ладонях Фан Цинчи, было одновременно реальным и невероятным. Яркий утренний свет, падающий из-за спины высокого и красивого Фан Цинчи, заставлял Му Люняня чувствовать, будто он шагнул в сон.

— В тот день на дороге я сразу заметил тебя среди группы заключенных. Ты был в цепях, выглядел изможденным, грязным, почти неузнаваемым, но твои глаза были прекрасны... как снежный лотос на горе Тяньшань, спокойный и чистый. Я тогда подумал, что хочу защищать этого человека всегда...

Он обнял его, нежно поглаживая тонкие веки большим пальцем:

— Я видел, что ты меня любишь, но я сам по себе неразговорчив и не умею выражать свои чувства... И вот довел тебя до таких сомнений, это моя вина...

Му Люнянь мог только крепче обнять его, закрыв глаза и наслаждаясь объятием и исполнением своего желания. Он прижался к его груди, слушая сильное сердцебиение, и чувствовал, как его лицо пылает, словно может сварить яйцо.

В ушах снова раздался его голос:

— Я выходил ночью, чтобы помочь старшему брату с делами, не переживай.

— Хм, — тихо ответил Му Люнянь, чувствуя себя счастливым.

Но его все равно терзали сомнения:

— Но я ведь объявлен в розыск, могу тебя подвести...

Фан Цинчи нежно поцеловал его мягкие и гладкие волосы и спросил:

— Ты думаешь, я боюсь быть вовлеченным?

Конечно, он не мог сказать Му Люняню, что последние дни выполнял задания для «Башни Черных Одежд».

Давно он решил, что, найдя убийц и отомстив за уничтожение своей семьи, увезет Му Люняня в место, где их никто не знает, и они начнут новую жизнь под другими именами.

Для этого ему нужны были деньги, которые позволили бы им жить спокойно в любом месте.

И он обратился к Цзи Цзяньчэню.

В «Башне Черных Одежд» всегда есть работа. Он выбрал задание по устранению коррумпированного чиновника, несколько ночей потратил на разведку и слежку, и только вчера вечером завершил дело, убив его в его же доме.

Все это он делал сам. А Му Люнянь, такой чистый, пусть остается белым листом, зачем ему пачкаться чернилами?

Поэтому разговоры о том, что он может его подвести, были полной ерундой!

— Господин Гу пришел, вы уже поели? — во дворе раздался голос Чуншэна.

Гу Шаобай, приподняв занавеску, сказал:

— Нет, мой отец...

Неожиданно увидев обнимающуюся пару, он замер, одна нога уже была в комнате, но он отступил назад, неловко улыбнувшись:

— Я пойду на кухню, не буду мешать...

Му Люнянь покраснел еще сильнее, вырвался из объятий Фан Цинчи, но не показал чрезмерного смущения и, махнув рукой, позвал:

— Заходи скорее!

Гу Шаобай сел на стул, с улыбкой глядя на покрасневших Фан Цинчи и Му Люняня. Когда Чуншэн расставил посуду и вышел, он спокойно спросил Фан Цинчи:

— Цинчи, этот «горячий картофель» наконец можно передать тебе, да?

Му Люнянь поставил перед ним миску с кашей со стуком:

— О чем ты говоришь!

Гу Шаобай не смотрел на него, а только на Фан Цинчи, который, не торопясь, проглотил кашу и медленно произнес:

— Разве ты не передал его мне давно?

Гу Шаобай рассмеялся, протянул ладонь вверх:

— Давай!

Фан Цинчи удивился:

— Что?

Гу Шаобай сказал:

— Чтобы спасти Люняня, этот господин задолжал Цзи Цзяньчэню немало серебра, да и аренда этого уютного дворика, где я прятал его, обходилась мне в один старый женьшень в день. Я почти разорился. Теперь, когда он твой, не вернешь ли мне хотя бы основной долг?

Фан Цинчи был ошарашен, а Му Люнянь закатил глаза.

Гу Шаобай почувствовал, что вызвал всеобщее недовольство, и, смущенно убрав руку, засмеялся:

— Ну ладно, не возвращай, зачем на меня так смотрите?

Подумав, он все же не удержался и добавил:

— По крайней мере, долг Цзи Цзяньчэню должен перейти на тебя. Иначе он все время заставляет меня называть его «старшим братом», и у меня уже мурашки по коже бегут при одной мысли о нем.

— Это я обещаю, — наконец сказал Фан Цинчи что-то приемлемое.

— Кто это мурашки при мысли обо мне? — раздался голос за дверью.

Гу Шаобай вздрогнул. Действительно, нельзя злословить за спиной.

Перед его глазами мелькнуло, и в одно мгновение красивые глаза Цзи Цзяньчэня оказались всего в полушаге от его собственных.

Гу Шаобай откинулся назад, чтобы отодвинуться подальше, и, вспомнив, что теперь он свободен от долгов, с уверенностью сказал:

— Это про тебя. Ты такой красивый, что даже не похож на человека, и у меня мурашки бегут при одном взгляде на тебя.

Цзи Цзяньчэнь подвинул стул ближе к нему, привычным жестом попытался поддеть его за подбородок:

— Какой ты невежливый, даже «старшего брата» не называешь!

Гу Шаобай отвернулся от его пальцев, взял миску и начал пить кашу:

— Пусть Цинчи называет, долг теперь его.

Цзи Цзяньчэнь с недоумением посмотрел на Фан Цинчи, который кивнул с такой серьезностью, что Цзи Цзяньчэнь чуть не ударил его по щеке.